

В заголовок этих заметок вынесено название спектакля, поставленного и сыгранного самодеятельной студией пантомимы. Но заметки посвящены не спектаклю и даже не студии — тому, что наполняет жизнь самодеятельных артистов и их руководителя. Самой сути их жизни. Она тоже может быть выражена одним словом — преодоление.

В ЕЛИКИЕ души — как высокие вершины. Ветер их овеивает, облака их обволакивают, но там дышится лучше и глубже, чем в других местах. Воздух там обладает чистотой, которая смывает с сердца все пятна; и когда тучи расходятся, видишь сверху весь человеческий род...

Их — пятнадцать: курьер, лаборанты, библиотечкарь, инженер, ученик ПТУ... И руководитель — Гедрюс Мацквичюс, студент ГИТИСа. О нем — разговор особый. Потому что студию создал он, и к вершине тоже повел он, дав им возможность ощутить радость преодоления и в конечном итоге, как ни громко это звучит, увидеть «сверху весь род человеческий»...

Такая это вершина, к которой он повел их — Микеланджело.

«Я не утверждаю, что большинство людей может жить на этих вершинах. Но пусть раз в год они восходят туда в паломничество... Там они возобновят дыхание своих легких и кровь своих вен. Там, на высоте, они почувствуют себя более близкими к Вечности. Затем они снова спустятся на жизненную равнину, с сердцем, закаленным для каждодневных битв...»

Не о них ли написал эти строки Ромен Роллан? И не содержат ли эти строки разъяснение той силы, что заставляет человека преодолевать инерцию будничности?

О Микеланджело писал не один Роллан. Трактаты о нем сочиняли его современники. Есть свидетельства Вазари и Кофиди. Есть о нем у Стендаля. Есть книга Стоуна. Труды искусствоведов К. Шульца, Г. Бояджијева, А. Дживелегова, Б. Виппера — вершина Микеланджело рождала хребты исследований. Наконец, голоса эпохи: Данте, Петрарка, Боккаччо, письма и сонеты самого скульптора. Студийцы прочли все, что написано о Микеланджело. Изучили репродукции и копии всех его работ, весь иконографический материал... Но Гедрюсу и этих усилий было мало. Да, студийцы много прочли и, как принято говорить, значительно обогатили свои знания, и, конечно же, образованность — огромное дело, возвышает человека и в собственных глазах, и во мнениях окружающих, но всегда ли греет нас «вселенская» начитанность эрудитов? Нет, Гедрюсу нужно было, чтобы на пути к вершине Микеланджело сам художник, страдающий и торжествующий, побежденный и непобедимый, яростный и нежный, преподавал им уроки преодоления. Чтобы они поняли, что «это был слишком страстный гений, чтобы любить другой идеал, кроме своего собственного». А поняв это, осознали, что высокое, как небо, понятие «идеал» обязательно должно быть слито с простым,

как хлеб и вода, понятием «работа». Что труд человеческий, как бы он прост ни был, ничто без идеала. И если у человека есть идеал, то в этом человек равен гению.

НО ЧТО было у самого Гедрюса к моменту, когда он задумал по собственному сценарию поставить спектакль о Микеланджело?

У него было прошлое, подобное их настоящему. У

ПРЕОДОЛЕНИЕ

него была страсть к благородному лицедейству, проявившаяся столь сильно и рано, что степенные земляки из города Дукшита признали его «пареньком не в себе», а родители, забеспокоившись, заговорили о необходимости стать «серьезным человеком». Он и стал им, окончил химический факультет Вильнюсского университета и даже был оставлен на кафедре фармакологии, но «лицедей» одолел в нем «магистра», и вот теперь он — студент театрального вуза.

У него были опыт и знания, и он щедро расточал их в безоглядном стремлении рвать к серьезной работе.

Пусть со словом «щедрость» сомкнется другое — бескорыстие. Щедрость и бескорыстие неразделимы, а если разделить, то давайте заменим эти слова какими-нибудь другими. Зарплата руководителя самодеятельной студии невелика. А сколько он за нее — если вообще говоря, за нее — работает? Ежедневно с семи до десяти вечера, а по субботам и воскресеньям — полные дни. А ведь он — студент, получающий только стипендию, а в Вильнюсе — семья, которую тоже как-то поддерживать надо.

Так что же у него еще было и есть такого, что высокое, но отрешенное иногда понятие «идеал» сделалось вдруг для них близким и теплым, не утратив возвышающей душу высоты? «Мы всегда ощущаем, когда нас любят...» — сказал один из учеников Гедрюса словами Микеланджело...

НОВЫЙ возникает здесь сюжет.

...В сумятицу редакционных будней пробился телефонный звонок — знакомый драматург молил, настаивал, требовал «послать кого-нибудь из отдела в Дом культуры Института атомной энергии имени Курчатова на спектакль «Преодоление».

— Это чудо! — кричал драматург в трубку, негодуя на очевидное спокойствие абонента. — Вы не имеете права не замечать...

Слабый, но все еще живой рефлекс чудолюбия — срывается. Ты собираешься и едешь куда-то, сначала в метро, а потом автобусом. И чудо начинается на нужной тебе остановке. Дальше автобус пойдет пустой. Дальше все, кто ехал с тобой, окажутся твоими соседями по залу. И со следующим автобусом произойдет то же самое...

Дальше, чувствую, надо рассказать о спектакле. Но как словами рассказать об искусстве, основанном на отрицании слова? Как передать возникшее вдруг чувство высоты? Вслушиваясь в безмолвную проповедь преодоления, в рассказ о великой жизни, пове-

данный курьерами, лаборантами, инженерами, студентами, вдруг начинаешь осознавать, что и к тебе относится сказанное писателем: «Мы пользуемся произведениями... гения так же, как пользуемся завоеваниями наших предков: мы не думаем о пролитой крови...».

Они заставили задуматься. Не знаю, хотели они того или нет, но они заставили осознать, что жить — это помнить. Не привыкать. Не смиряться.

Недавно в ДК Курчатовского института снова была премьера: «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». И снова автобусы уходили пустыми от знакомой остановки. И снова в молодежной аудитории можно было увидеть известных актеров, драматургов, критиков. И снова возник целенный образ преодоления. Только теперь к вершине они шли с Нерудой: «Я отдался на волю тому же яростному ветру...»

После спектакля, убрав сцену и реквизит, они понесли в кафе Дома культуры самовар и связки сушек: традиционное послепремьерное чаепитие. У них были лица людей, только что оглядевших мир с высоты и все еще хранящих в зрачках его отражение. Самовар тут не был помехой. Труднее им было отрешиться от пережитого и ответить на мой вопрос: «Что дает вам студия?» Таня Васина: «Счастье». Павел Брюн: «Это все, что есть у меня». Наташа Дюшен: «Возможность понять, на что я способна». Оля Яковлева: «Благодарство». Толя Бочаров: «Праздник взаимопонимания». Валентин Гнеушев: «Чувство правильного поведения».

Так они сами исподволь подводили меня к мысли о своем искусстве, как о вызове бескорыстия, как о пути к празднику, который, высоко вознес человека над равниной будней, ярко осветит и ту, главную для него «другую жизнь», ее небудничную красоту и повелит дорожить ею.

Т. МАМАЛАДЗЕ.